

Серик Тажиев

Последние дни Марса!

Боевая фантастика

18+

Серик Тажиев

Последние дни Марса!

«Автор»

2026

Тажиев С.

Последние дни Марса! / С. Тажиев — «Автор», 2026

Вы когда нибуд задумывались о том что откуда возник астероидный пояс между Юпитером и Марсом? А ведь это было когда то зелёной цветущей планетой где жили человеческая раса. И мы его уничтожили со своими ядерными арсеналами, вдобавок огромный кусок от Фаэтона так называлась это планета сорвал атмосферу Марса и след этого до сих пор виден это огромный каньон на теле Марса. Это книга предупреждения и напоминание о забытой истории человечества. Ведь мы опять подошли к этой опасной черте накопив ядерный арсенал.

© Тажиев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МАРСА	5
МИР КНИГИ	6
ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Серик Тажиев
Последние дни Марса!
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МАРСА

Роман

МИР КНИГИ

Фаэтон — цветущая планета между орбитами Марса и Юпитера, колыбель человеческой цивилизации. Задолго до появления рептилоидов Фаэтон и Марс населяло множество разрозненных, непрестанно воюющих между собой государств: каждое, опасаясь соседей, копило и множило ядерное оружие ради самозащиты, — так столетия внутренних войн и породили тот самый Арсенал, что дремлет сегодня под западными шахтами. Лишь перед лицом общей угрозы, явившейся из глубин космоса в облике рептилоидов, эти государства впервые в своей истории объединились и стали сражаться плечом к плечу. Но было уже поздно: сама вражда, ненависть и жажда мести, копившиеся между этими государствами веками, — та густая, отравляющая пространство негативная энергия — стали тем маяком, что

привлёк и притянул к этой системе сначала рептилоидов, а через них и самих драконийцев, ибо тьма всегда тянется на зов родственной ей тьмы. Здесь тысячелетиями сосуществовали два разумных рода: люди и рептилоиды — древняя раса, технологически превосходящая, но раздираемая кастовой иерархией. На Фаэтоне также расположен древний Арсенал — крупнейший в системе склад ядерного оружия, накопленного за века внутренних войн задолго до появления рептилоидов; его существование — государственная тайна, известная лишь высшим кругам обеих цивилизаций.

Драконийцы — истинные хозяева рептилоидов, раса ростом около четырёх метров, с головой ящера-дракона и телом, схожим с человеческим, — древние, кровожадные существа, пришедшие из глубин системы задолго до войны людей. Их родной мир — тяжёлая, окутанная вечными серными туманами планета в недрах системы, лишённая привычного дневного света: города драконийцев представляют собой исполинские базальтовые крепости, вырастающие из раскалённой, вулканически активной коры, а сама их цивилизация построена на строжайшей, беспощадной иерархии силы, где слабость карается уничтожением, а покорность старшим по касте — единственная добродетель, которую эта

раса признаёт всерьёз. Много поколений назад драконийцы поработили рептилоидов не цепями, а разумом: рептилоиды физически не способны мыслить полностью самостоятельно — драконийцы вкладывают им мысли, решения, саму волю к войне через незримую, почти религиозную связь, которую сами рептилоиды считают «голосом богов» в поющих кристаллах своих храмов и тронных залов. Императоры рептилоидов, включая Ссаир-Ксата, искренне верят, что действуют по собственной воле — трагедия книги в том, что это не так: они пушечное мясо в чужой войне, чьих истинных целей не понимают даже их императоры.

Архонты — истинные хозяева самих драконийцев, о существовании которых не подозревает даже высшая знать этой кровожадной расы: бесплотные, лишённые физического тела энергетические существа, обитающие вне привычных измерений материи, — сила куда более древняя и куда более тёмная, чем сами драконийцы, стоящая на самой вершине всей иерархии зла, пронизывающей эту войну. Если драконийцы порабащают рептилоидов через вживлённую мысль, то Архонты управляют самими драконийцами через нечто ещё более фундаментальное — через саму их природу, их вечный, неутолимый голод к чужому страданию и

страху, служащий, по всей видимости, самой пищей, которой Архонты питаются в масштабах, недоступных пониманию ни одной из телесных рас системы. Никто из смертных участников этой войны, включая самих драконийцев, ещё не подозревает об их истинном существовании к тому моменту, когда начинается основное действие книги.

Архангелы — высшая сила на стороне людей, зеркальная и противоположная Архонтам по самой своей природе: когда страдания человечества становятся настолько непомерными, что грозят перейти черту, за которой более не остаётся надежды на исцеление, Бог посылает на помощь ближайших к Себе существ — не советников, подобных посланцам Высших миров,

ограниченным законом невмешательства, а прямых, деятельных вестников милости, чьё явление всегда сопровождается неоспоримым, ослепительным чудом. В отличие от Плеяд, Сириуса и Ах-Кин, Архангелы не связаны обязательством ненавязчивого наблюдения — их вмешательство прямое, редкое и происходит лишь тогда, когда чаша человеческого горя переполняется настолько, что само мироздание требует ответа.

Марс — цветущая планета-колония людей, зелёная и полная жизни, с плотной, дышащей атмосферой, реками и лесами, во многом напоминающая саму Землю, — форпост жрецов и первых поселенцев, связанный с Фаэтоном торговыми и духовными узами. На Марсе стоят Храмы Восхождения — обсерватории жрецов, читающих волю «Высших миров». Лишь в самом финале войны, когда осколки погибшего Фаэтона обрушатся на планету, Марс потеряет атмосферу и превратится в ту красную, безжизненную пустошь, которую скрывает от читателя весь основной ход повествования.

Высшие миры — незримый совет древних цивилизаций-наставников (плеядианцы, сирианцы, орионцы), чьи советники являются избранным жрецам и королям людей в видениях и через ритуалы. Их фундаментальный закон — невмешательство: они могут предостерегать, советовать, направлять через пророческие сны, но не имеют права напрямую вмешаться в ход войны. В противовес драконийцам, порабощающим через навязанную мысль, Высшие миры лишь предлагают видения, никогда не лишая людей свободы выбора, — этот контраст является одной из скрытых тем книги.

Великая Пирамида Марса — исполинское сооружение высотой десять тысяч метров, возведённое ещё в незапамятные времена как портал переселения душ: именно через неё

плеядианцы и сирианцы некогда воплощались на Марсе, спускаясь из Высших миров в материальные тела. Позднее люди, забыв изначальное предназначение пирамиды, перестроили её вершину в орбитальное лазерное орудие. Испытание оружия обернулось катастрофой: пирамида частично взорвалась, и одна её грань до сих пор стоит оплавленной и разрушенной — немой памятник тому, что случается, когда священное превращают в оружие.

Серые (грей) — союзники драконийцев, выведенные в их подземных лабораториях биороботы: невысокие, безволосые, с непропорционально большими чёрными глазами, полностью лишённые души и каких-либо чувств. Они не знают ни страха, ни жалости, ни колебания — идеальная пехота для хозяев, не нуждающаяся в резонансе кристаллов, потому что у неё попросту нет собственной воли, которую нужно было бы подавлять.

Народ Ах-Кин — союзники людей с соседней системы, потомки древнего земного народа майя, покинувшие Землю задолго до расцвета известной человечеству истории и обосновавшиеся на далёкой планете за пределами родной системы. Они сохранили астрономические познания и календарные

традиции предков, но их военные технологии, выкованные тысячелетиями изгнания и подготовки к возможному возвращению древнего зла, значительно превосходят вооружение как Фаэтона, так и рептилоидов.

Рапторы — коренные обитатели марсианских недр, невысокие, но чрезвычайно разумные хищники, эволюционировавшие от древних ящероподобных форм задолго до появления на планете человеческих поселенцев. Они обитают в разветвлённой сети пещер и лавовых туннелей под плодородной, зелёной поверхностью Марса, охотятся стаями с почти военной слаженностью и издревле враждуют с людскими колонистами, оспаривая у них плодородные подземные оазисы и доступ к скудным источникам воды. Ни драконийцам, ни Высшим мирам рапторы не подчиняются — они единственная сила на Марсе, действующая исключительно по собственной, дикой воле.

Война вспыхивает, когда драконийцы, действуя через своих марионеток-императоров, решают, что люди — угроза их скрытому господству над системой. Конфликт нарастает через всю книгу: сражения, ловушки, предательства, — но истинная катастрофа случается лишь в

финале. В решающей битве один из ракетных залпов рептилоидного флота, предназначенный для

орбитальных целей, отклоняется от курса и попадает точно в Арсенал Фазтона. Цепная детонация всего накопленного за века ядерного запаса уничтожает планету целиком: обломки, включая один исполинский фрагмент, срываются в сторону Марса, прочерчивая на его теле гигантский разлом (будущая Долина Маринер) и срывая атмосферу планеты. Уцелевшие жрецы, короли и их армии бегут на Землю, неся с собой знание, вражду — и, для немногих посвящённых, страшную правду о драконийцах, дёргавших за нити всей войны.

ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Верховный жрец Азар-Тин — духовный лидер Марса, хранитель связи с Высшими мирами, разрывается между пророчеством о гибели и жадой защитить свой народ.

Королева Иллара Фаэтонская — молодая правительница Фаэтона, вынужденная возглавить сопротивление после гибели отца-короля; символ последнего дыхания цивилизации людей.

Кель-Дор — военачальник людей, бывший пленник рептилоидов, знающий их тактику изнутри; ведёт партизанскую войну и добывает секрет их флота.

Император Ссаир-Ксат — верховный правитель рептилоидов, аристократ-стратег, искренне верящий, что уничтожение людей — единственный путь сохранить порядок во Вселенной; не подозревает (до определённого момента), что каждое его «стратегическое решение» — внушённая драконийцами мысль.

Наасса — рептилоидный полководец и тайный сомневающийся; первым из своей расы начинает ощущать, что его мысли — не совсем его собственные, и это открытие станет для него не менее страшным, чем сама война.

Советник Орвен — посланник Высших миров в облике старика-советника при дворе Иллары; проводник пророчеств и моральный компас книги.

Верховный Дракониец (имя раскрывается ближе к финалу) — истинный кукловод войны, является рептилоидам лишь как голос в кристаллах и редкие видения; воплощение скрытой угрозы, стоящей за всем конфликтом.

СТРУКТУРА (три акта, 37 глав)

АКТ I — Расколотое небо (гл. 1–12)

Мир до открытой войны. Хрупкое перемирие людей и рептилоидов. Пророчество Азар-Тина. Первые провокации и стычки у границ. Наасса впервые ощущает «чужую мысль» в своей голове. Иллара восходит на трон.

АКТ II — Огонь под масками (гл. 13–28)

Эскалация войны, ловушки, предательства (в т.ч. линия Наассы и Мерин). Кель-Дор и Иллара всё ближе подбираются к правде о том, что императоры рептилоидов не действуют по своей воле. Первые проблески драконийцев — видения, странные приказы, необъяснимая жестокость, которую даже сами рептилоиды не могут объяснить.

АКТ III — Последние дни Фаэтона (гл. 29–37)

Финальная битва у Арсенала. Шальная ракета рептилоидного флота попадает в ядерный склад — цепная детонация уничтожает Фаэтон целиком. Осколки обрушиваются на Марс, рождая великий разлом и лишая планету атмосферы. Раскрытие драконийцев как истинных кукловодов войны. Отчаянная эвакуация, оценка потерь и цена, заплаченная выжившими. Исход человечества к Земле — и предупреждение будущим поколениям, забывшим цену, которую однажды уже заплатили две погибшие планеты.

ОТ АВТОРА. Обращение к читателю

Прежде чем ты откроешь первую главу, остановись на секунду. Положи руку на грудь. Почувствуй, как бьётся сердце. А теперь позволь мне сказать тебе то, что не пишут обычно на первых страницах романов.

Это не вымысел.

То, что ты сейчас держишь в руках, — не фантазия, рождённая для развлечения долгими вечерами. Это подлинная история человечества, история, стёртая из учебников силой тех же, кто когда-то стёр с неба целую планету, но не стёртая — и никогда не стираемая — из глубин твоей собственной души. Потому что если ты сейчас читаешь эти строки на Земле, дышишь

земным воздухом, ходишь по земной почве, — значит, однажды, очень давно, до того как эта голубая планета вообще стала твоим домом, ты уже жил. Ты жил на Марсе, под небом цвета ржавчины и охры. А ещё раньше, в самом начале твоего долгого пути, — на Фаэтоне, планете света, которой больше нет на карте неба, потому что от неё остался лишь холодный пояс обломков между орбитами Марса и Юпитера. Учёные называют его поясом астероидов. Твоя душа

знает его под другим именем — именем дома, который она потеряла.

Задумайся: почему одни люди с детства смотрят на красную точку Марса в ночном небе с необъяснимой тоской, будто вглядываются не в далёкий мир, а в старую фотографию утраченной родины? Почему других без всякой причины охватывает первобытный ужас при виде ясного неба, расколотого пополам грозным фронтом — будто тело помнит нечто, чего не помнит разум? Почему сны о падающих обломках, о разверзающейся под ногами земле, о беге по горящим коридорам преследуют столько из нас с одинаковой, необъяснимой конкретностью деталей? Это не совпадения. Это трещины в завесе забвения, через которые проступает подлинная память.

Каждая душа, что сегодня дышит воздухом Земли, помнит — где-то глубоко, там, куда не достаёт обычная память, но достаёт сон, интуиция, немотивированный страх или необъяснимая тяга, — то далёкое небо, расколотое на два цвета одновременно: персиковый рассвет с одной стороны и рухотворную, пороховую тьму — с другой. Помнит низкий гул тронных залов, вырезанных из чёрного камня. Помнит молитвы жрецов в Храмах Восхождения, обращённые к Высшим

мирам. Помнит войну, которая не была метафорой человеческой природы, придуманной для урока. Она была настоящей. Она случилась. И она всё ещё разворачивается внутри каждого конфликта, каждой вражды, каждой необъяснимой ненависти, которую мы носим сегодня и не можем найти для неё причины в этой, земной, жизни.

Возможно, ты был воином, как Наасса, — тем, кто в последний миг выбирает совесть вместо приказа, и потом всю жизнь — или все жизни — расплачивается за эту минуту прозрения. Возможно, королевой, как Иллара, — той, что несёт на себе тяжесть решений, за которые нет прощения, но есть необходимость, и училась самому страшному дару правителя: продолжать идти дальше, когда цена уже выплачена и не может быть возвращена. Возможно, ты был одним из тех безымянных тысяч, что сгорели в вакууме ради ловушки, которая должна была спасти мир, — и если это так, то, быть может, именно поэтому тебе так тяжело порой дышать без видимой причины, именно поэтому пустое небо иногда пугает тебя больше, чем должно.

А может быть — и в этом нет ничего постыдного, лишь урок, который твоя душа сама выбрала пройти до конца, — ты был и по другую сторону. Тем, кто отдавал приказ сжечь всё поле, чтобы

вырвать сорняк с корнем, искренне веря, что делает это во имя порядка и будущего. Если, читая страницы об императоре Ссаир-Ксате, ты вдруг ощутишь не только осуждение, но и пугающе ясное понимание его логики изнутри — не отворачивайся от этого узнавания. Оно тоже часть исцеления. Мы не помним прошлые жизни только для того, чтобы оправдать себя. Мы вспоминаем их, чтобы наконец увидеть полную картину — и перестать бессознательно повторять её снова.

Я не прошу тебя верить мне на слово. Слова — самый ненадёжный проводник истины, которую хранит тело. Я прошу тебя довериться тому отклику, что возникнет внутри, пока ты будешь читать эти страницы, — тому холодку, что пробежит по коже в неожиданный момент, той необъяснимой тяжести в груди или, напротив, внезапному облегчению, которое не объяснить сюжетом. Твоё тело помнит то, что давно забыл разум. И если в какой-то момент ты вдруг почувствуешь, будто уже видел этот тронный зал изнутри, будто уже слышал этот голос где-то помимо этих страниц, будто уже стоял на краю того же самого разлома в красной пыли

Марса, ощущая, как последний воздух уходит из лёгких, — не отмахивайся от этого чувства и не спеши называть его просто воображением.

Это не совпадение.

Это память твоей души, возвращающаяся домой через единственную дверь, которая у неё осталась, — через историю, рассказанную заново.

Фаэтон погиб в ту ночь, когда небо раскололось на два цвета. Марс потерял своё дыхание, когда осколки погибшего мира прочертили на его теле рану, которую сегодня называют просто географическим термином, не подозревая о том, что смотрят на шрам цивилизации. Но души, что пережили ту войну — а выжили все, потому что душа не умирает вместе с телом, — не исчезли. Они рассеялись по вселенной, скитались, искали новый берег и в конце концов нашли новый дом здесь, на Земле, унеся с собой не только память о величии и трагедии, но и незакрытую рану, невыплаканное горе и вражду, которая, если не быть внимательным к самому себе, продолжает тлеть в наших личных конфликтах, в наших необъяснимых страхах перед властью и предательством, в нашей коллективной, до сих пор кровоточащей тяге к войне.

Эта книга — не просто рассказ о далёком прошлом далёких планет. Это приглашение вспомнить. Это зеркало, поднесённое к самой древней и самой глубокой части тебя. И, быть может, если ты позволишь себе прочитать её не

только разумом, но и той частью себя, что жила задолго до этой жизни, — это станет началом того, чтобы наконец исцелить рану, которая была нанесена тысячи лет назад, в небе над планетой, которой больше нет.

Добро пожаловать домой.

Добро пожаловать в последние дни Марса — которые, возможно, были и твоими последними днями тоже.

ГЛАВА 1. Голос в кристалле

Пограничная станция «Кассит-7» висела на самой границе нейтральной зоны между Фаэтоном и рептилоидными секторами уже сорок три года, и за все эти годы здесь не прозвучало ни одного выстрела. Именно поэтому крик тревоги, разорвавший ночную тишину сторожевого поста, показался лейтенанту Дарну настолько неправильным, что он несколько секунд просто стоял, вслушиваясь, прежде чем тело само рвануло к пультам.

— Нарушение периметра! Три метки, курс прямо на станцию!

Дарн ударил по тревожной панели, и весь пост «Кассит-7» ожил вспышками алого света и воем

сирен, эхом отражавшимся от металлических переборок. За тридцать секунд станция должна была перейти в боевую готовность — по уставу, по бесчисленным учениям, которые проводились так часто, что давно превратились в скучную рутину. Но рутин не готовит к тому странному холоду под ложечкой, что охватывает человека, впервые понимающего: сегодня не учения.

— Идентификация! — крикнул он оператору радаров.

— Рептилоидные истребители класса «Коготь». Не отвечают на позывные... командир, они не сбавляют скорость!

Дарн бросился к смотровому иллюминатору как раз в тот момент, когда три тёмных силуэта прочертили небо станции огненными росчерками двигателей — слишком быстро, слишком низко, слишком дерзко для случайного отклонения курса. Один из них выпустил короткий, почти демонстративный залп по внешней антенне связи станции — не по жилым отсекам, не по вооружению, а именно по связи, — и антенна взорвалась снопом искр, оставив «Кассит-7» немой, отрезанной от остального мира в самый неподходящий момент.

— Они предупреждают нас, — прошептал Дарн, чувствуя, как по спине пробегает ледяная

испарина. — Или проверяют, как быстро мы теряем голову.

Наасса вёл это звено сам — не потому что провокация была настолько важна, чтобы требовать личного участия полководца его ранга, а потому что приказ, отданный ему этим утром, показался слишком странным даже для военного времени, и он хотел увидеть исполнение собственными глазами.

— Цель уничтожена, — доложил напарник по правому борту, довольный собой после точного попадания по антенне. — Станция ослеплена.

— Заходим на второй виток, — приказал Наасса, хотя внутри него, где-то на границе сознания и того, что он всегда называл интуицией, начинало нарастать неприятное, вязкое ощущение неправильности происходящего.

Приказ гласил: обозначить присутствие, спровоцировать ответный огонь, задокументировать нарушение перемирия со стороны людей. Формулировка была безупречно логичной, знакомой — именно так обычно готовились пограничные инциденты, дающие повод для эскалации, которую потом можно было представить Совету Миров как вынужденный

ответ, а не агрессию. Наасса участвовал в дюжине подобных операций за свою карьеру. Но в этот раз что-то было не так, и он не мог понять, что именно, пока не заметил: станция не открывала ответного огня. Совсем.

— Они не стреляют, — произнёс он вслух.

— Тем лучше, командир, задача выполнена без потерь с нашей стороны.

— Нет. — Наасса заложил вираж, выходя из атакующего построения, и почувствовал, как в кабине истребителя воцаряется странная, режущая тишина — не звуковая, а внутренняя, будто что-то в самой структуре его мыслей на мгновение замерло, ожидая. — Задача была спровоцировать ответный огонь. Если они не стреляют, задача не выполнена. Прервать операцию.

И в этот самый момент — впервые за тридцать один год его жизни — он услышал Голос.

Не снаружи. Не по радиоканалу, не через шлемофон, не через какое-либо устройство, которое можно было бы отследить, заглушить, объяснить техническим сбоем. Голос прозвучал внутри его собственной черепной коробки, ровный, лишённый эмоций, но абсолютно недвусмысленный: «Задача не отменяется.

Нанести повторный удар. Уничтожить жилой сектор станции».

Наасса вздрогнул так сильно, что истребитель дёрнулся в сторону, едва не задев крыло напарника.

— Командир? — встревоженно спросил тот по каналу.

— Ничего, — выдавил Наасса, чувствуя, как чешуя на затылке встаёт дыбом от первобытного, необъяснимого ужаса. — Помехи в шлемофоне.

Но помех не было. Он знал это так же ясно, как знал собственное имя. Голос не пришёл извне — он родился где-то внутри, в той части сознания, которую рептилоидские жрецы называли «покоем кристалла», местом, где, по вере всей его расы, обитал отзвук богов. Всю жизнь Наасса, как и любой рептилоид, воспринимал этот внутренний резонанс как естественную часть себя — направление, интуицию, иногда прямой приказ свыше в минуты важнейших решений. Никто и никогда не задавался вопросом, откуда берётся этот голос и почему он звучит настолько отчётливо именно в моменты, определяющие судьбу войны.

Никто, кроме, возможно, этой самой минуты — потому что впервые в жизни Наасса ясно ощутил:

голос прозвучал не как его собственная мысль, обёрнутая в божественную интонацию. Он прозвучал как чужой приказ, вложенный извне, минуя его волю целиком.

— Отставить второй заход, — произнёс он вслух, борясь с иррациональным, почти паническим желанием подчиниться Голосу немедленно, без вопросов, как подчинялся всю жизнь. — Возвращаемся на базу. Немедленно.

— Но приказ штаба...

— Я отдаю приказ, а не штаб, — резко оборвал Наасса, и в его собственном голосе прозвучало нечто, испугавшее его самого: не гнев командира, а страх существа, впервые усомнившегося в собственной голове.

За миллионы километров от границы, во дворце Фаэтона, в это самое утро происходила церемония, которую Иллара репетировала в кошмарах последние две недели с тех пор, как погиб её отец.

Коронационный зал был полон — весь высший совет, все командующие флотами, послы нейтральных секторов, даже делегация рептилоидов, присланная в знак формального

соблюдения перемирия, стояла в дальнем углу зала, наблюдая церемонию с той холодной, отстранённой вежливостью, которая всегда сопровождала контакты двух рас, слишком разных, чтобы доверять друг другу, и слишком связанных торговлей и договорами, чтобы позволить себе открытую вражду.

Иллара стояла на возвышении, чувствуя, как тяжёлая церемониальная мантия давит на плечи сильнее любого физического груза, и слушала, как Верховный жрец Фаэтона — не Азар-Тин, тот служил на Марсе, а его коллега и давний соперник, жрец Кассир — произносит древние слова коронационного обряда, которые она слышала с детства на церемониях предков, но которые теперь были обращены к ней самой.

— Носи корону так, как носил её твой отец, — торжественно произнёс Кассир, — с памятью о тех, кто был до тебя, и с ответственностью за тех, кто придёт после.

Иллара склонила голову, принимая венец — тонкий обруч из фаэтонского светлого металла, инкрустированный кристаллами, добытыми в тех же шахтах, что и обсидиан рептилоидских дворцов, — и в тот момент, когда металл коснулся её висков, она поймала взгляд рептилоидного посла в дальнем конце зала.

Это был не Наасса — тот в это же самое время висел где-то на границе, ещё не подозревая, что через несколько часов его собственный мир перевернётся с ног на голову. Посол носил имя Т'Каррас, и его взгляд, устремлённый на молодую королеву, не выражал ни враждебности, ни уважения — лишь холодную, вычисляющую оценку, с которой рассматривают не человека, а фигуру на игровой доске.

После церемонии, в личных покоях, куда допускались лишь ближайшие советники, Иллара наконец позволила себе снять корону и тяжело опуститься в кресло, чувствуя, как дрожат руки от многочасового напряжения.

— Ты справилась безупречно, — тихо сказал Орвен, стоявший у окна, как всегда появившийся будто из ниоткуда в тот момент, когда протокол переставал требовать его присутствия среди толпы.

— Я едва не упала в обморок посреди речи, Орвен. Это не «безупречно».

— Никто этого не заметил, кроме тебя самой. — Старик подошёл ближе, и в его светлых глазах читалось что-то похожее на тревогу, которую он до сих пор скрывал во время церемонии. — Но есть новость, которая не может ждать до утра, ваше величество.

— Ты никогда не называешь меня «ваше величество», если новость хорошая, Орвен.

— Тогда ты уже готова услышать её. — Он на мгновение замолчал, подбирая слова с той тщательностью, с которой опытный целитель готовит пациента к дурному диагнозу. — Час назад пограничная станция «Кассит-7» подверглась атаке трёх рептилоидных истребителей. Станция уничтожена не была — атакующие ограничились уничтожением антенны связи, что само по себе странно. Но само нападение — прямое нарушение перемирия, которое держится уже сорок три года.

Иллара почувствовала, как ледяная тяжесть, только что снятая вместе с короной, возвращается на плечи с удвоенной силой.

— Кто отдал приказ на нашей границе?

— Пока неизвестно. Но известно другое, ваше величество, и именно это тревожит меня сильнее самого нападения. — Орвен подошёл ещё ближе, понижая голос почти до шёпота, будто боялся, что его услышат даже сквозь толстые стены личных покоев. — Разведка перехватила фрагмент внутренних переговоров рептилоидного командования сразу после инцидента. Командир, руководивший атакой, самовольно прервал операцию посреди исполнения приказа — что для

рептилоидской военной культуры почти немыслимо, они не подвергают сомнению приказы командования. А в перехваченном фрагменте он произнёс фразу, которая крайне озадачила наших аналитиков: «Голос звучал не

как мой собственный».

Иллара медленно подняла взгляд на своего советника.

— Что это значит?

— Я не знаю наверняка, ваше величество. — Орвен отвернулся к окну, и впервые за все годы их знакомства Иллара увидела в его сгорбленных плечах нечто похожее на настоящую, глубокую тревогу существа, которое видело слишком много веков истории, чтобы легко пугаться, но которое, возможно, наконец столкнулось с чем-то, чего не понимало даже оно само. — Но Высшие миры, которых я представляю здесь, всегда учили нас одному фундаментальному правилу мироздания: за каждой войной, которая кажется войной двух сторон, иногда стоит третья сторона, невидимая обеим. И если то, что происходит внутри голов рептилоидских командиров, — не метафора, не фигура речи, а буквальная правда... тогда, боюсь, эта война никогда не была войной между людьми и рептилоидами. Она была войной, которую вели через нас обоих те, кого мы пока не видим вовсе.

На Марсе, в тот же самый час, Верховный жрец Азар-Тин проснулся в холодном поту посреди ночи, впервые за двадцать лет служения не понимая собственного видения.

Ему снилась не привычная картина расколотого неба — то пророчество он видел десятки раз и знал наизусть каждую деталь. Этой ночью ему явилось нечто иное: исполинская пирамида, вздымающаяся из зелёных, поросших лесом холмов на высоту, недоступную взгляду, — та самая Великая Пирамида, что стояла в дне пути от Храма Восхождения, оплавленная и разрушенная с одной стороны ещё с незапамятных времён, задолго до рождения любого ныне живущего жреца. В его сне пирамида была целой, сияющей, и через её вершину, как через открытые врата, спускались фигуры света — те, кого древние предания называли посланцами Плеяд и Сириуса, воплощающимися в материю через этот портал душ. А затем, на одно короткое, страшное мгновение, зелень вокруг пирамиды подёрнулась незнакомой, чужой рыжиной, будто сама земля готовилась когда-нибудь в будущем сменить цвет.

А затем, во сне, свет померк, и пирамида треснула — точно так же, как треснула наяву тысячелетия назад, — и из трещины, вместо света, выползла

тьма иной формы: огромные силуэты с головами ящеров и телами, страшно похожими на человеческие, кровожадные и терпеливые одновременно, ждавшие этого момента с той же неспешностью, с какой камень ждёт эрозии.

Азар-Тин проснулся с именем на устах, которого никогда прежде не произносил ни в одном ритуале, ни в одном пророчестве, — именем, которое, казалось, само вложилось в его сознание, как ключ, наконец подошедший к замку, который он безуспешно пытался открыть двадцать лет.

Он позвал молодого жреца Тедрена немедленно, среди ночи, и, когда тот явился, всё ещё сонный и встревоженный, Азар-Тин произнёс лишь одну фразу, от которой сам похолодел, услышав собственный голос:

— Тедрен. Разбуди архивариусов. Мне нужны все записи о драконийцах — всё, что сохранилось со времён, когда Пирамида ещё была целой.

— Драконийцы, учитель? Я никогда не слышал этого слова.

— Я тоже не слышал его до сегодняшней ночи, — тихо ответил Азар-Тин, глядя в окно, туда, где вдалеке, едва различимая в темноте, вырисовывалась исполинская тень Великой Пирамиды с её незаживающей, оплавленной раной. — Но что-то подсказывает мне, что очень скоро мы услышим его гораздо чаще, чем захотим.

ГЛАВА 2. Допрос под кристаллами

Крейсер «Клинок Бездны» встретил возвращающееся звено Наассы гулкой, неестественной тишиной стыковочного отсека — той тишиной, что возникает, когда весь экипаж уже знает о случившемся и предпочитает молчать, лишь бы не оказаться замеченным рядом с полководцем, чьё решение сегодня могло стоить ему карьеры, а то и жизни.

Наасса шёл по коридорам корабля, чувствуя, как гул резонирующих кристаллов в стенах — тот самый гул, что сопровождал его с самого детства, гул, который он с рождения принимал за эхо голоса богов, — теперь отзывается в его собственной груди совершенно иначе: не умиротворяюще, а угрожающе, будто сама архитектура рептилоидских кораблей была продолжением того же Голоса, что заговорил в его голове над станцией «Кассит-7».

Коридоры «Клинка Бездны» были узкими, вырезанными в форме, повторяющей естественные пещеры, из которых, если верить древним преданиям, вышла его раса, — рептилоиды строили свои корабли так, чтобы напоминать утробу, нору, безопасное подземное убежище, даже находясь в открытом космосе. Наасса прежде находил это устройство успокаивающим. Сегодня теснота коридоров ощущалась ловушкой.

— Полководец Наасса, — раздался голос за спиной, слишком ровный, слишком вежливый для простого приветствия. — Инквизитор Дрейх ожидает вас в зале допросов.

Инквизиторы Ордена Кристальной Веры редко появлялись на военных кораблях без веской причины, и появление Дрейха здесь, спустя всего два часа после инцидента на границе, само по себе было достаточно красноречивым сигналом того, насколько серьёзно восприняло командование его самовольное решение.

Зал допросов располагался в самом сердце корабля, там, где резонанс кристаллов в стенах был сильнее всего, — Наасса подозревал, что расположение было выбрано намеренно: любая ложь, любое отклонение от истины должно было отзываться диссонансом в самом теле допрашиваемого, усиленным этим неестественно плотным гулом.

Инквизитор Дрейх, старый рептилоид с чешуёй, побелевшей от возраста почти до молочного оттенка, сидел за простым каменным столом, и его немигающие вертикальные зрачки следили за каждым движением Наассы с той же холодной точностью, с какой хищник следит за добычей, ещё не решив, стоит ли она усилий погони.

— Расскажи мне, полководец, — произнёс Дрейх тихим, вкрадчивым голосом, — почему ты прервал исполнение прямого приказа штаба над станцией «Кассит-7».

Наасса опустил на предложенное сиденье, чувствуя, как гул кристаллов в стенах усиливается, будто сама комната ждала его ответа с не меньшим нетерпением, чем инквизитор.

— Цель провокации заключалась в том, чтобы спровоцировать ответный огонь противника, задокументировав нарушение перемирия с их стороны, — начал он, тщательно подбирая слова. — Станция не открыла ответного огня. Продолжение атаки в этих условиях превращало документированную провокацию в недокументированную агрессию с нашей стороны — стратегическую ошибку, а не военную необходимость.

Это было правдой. Но не всей правдой, и Наасса чувствовал, как гул кристаллов, кажется, слегка меняет тон при этой недосказанности, — или это было лишь плодом его собственного, натянутого до предела воображения?

Дрейх долго молчал, изучая его взглядом, лишённым какой-либо эмоции.

— Перехваченная запись твоих собственных слов, полководец, содержит фразу иного содержания. — Он положил на стол небольшое устройство и включил воспроизведение. Собственный голос Наассы, искажённый статикой передатчика, произнёс: «Помехи в шлемофоне» — и тут же следом, тише, почти неслышно, произнесённое уже без нажатия передатчика, как будто он думал, что говорит сам с собой: «Голос звучал не как мой собственный».

Наасса почувствовал, как внутри всё холодеет — он не помнил, что произнёс эти слова вслух. Он думал, что просто подумал их.

— Объясни мне значение этой фразы, — потребовал Дрейх, и впервые за весь допрос в его голосе прорезалось нечто похожее на настоящий, личный интерес, не имеющий отношения к протоколу.

Наасса понимал: любой ответ, содержащий правду о Голосе, прозвучавшем внутри его собственного сознания как чужой приказ, будет истолкован Орденом Кристальной Веры одним из двух способов — либо как богохульство, отрицание священной природы внутреннего резонанса, которым испокон веков живёт вся его раса, либо, что было ещё страшнее, как признак душевной болезни, дающей повод к немедленному отстранению от командования и заключению в лечебный блок, откуда, по слухам, ходившим среди младших офицеров, не возвращался почти никто.

— Усталость, — солгал он, чувствуя, как гул кристаллов в стенах будто спотыкается на долю секунды, отзываясь на ложь диссонансом, который, как он молился всем богам своей расы, был замечен только ему самому. — Три полных боевых вылета за сутки без отдыха. Разум иногда рождает странные фразы в состоянии крайнего истощения.

Дрейх долго смотрел на него, и эта пауза растянулась для Наассы на целую вечность, полную того особого, животного страха, который не имеет отношения к боязни смерти в бою, — страха быть увиденным насквозь, разоблачённым в момент наибольшей уязвимости.

— Хорошо, — произнёс наконец инквизитор, и что-то в его тоне подсказывало Наассе, что старик поверил ему не до конца, но решил — по причинам, известным лишь ему самому, — не углубляться дальше сегодня. — Отдохни, полководец. Император выразил желание лично обсудить с тобой инцидент на границе через двенадцать часов. Постарайся к тому моменту звучать более убедительно.

Когда Наасса покинул зал допросов, ноги едва держали его — не от физической усталости, а от того парализующего облегчения, что накрывает существо, только что избежавшее пропасти, но так и не узнавшее, насколько близко оно к ней подошло.

Тем же вечером, во дворце Фаэтона, зал военного совета бурлил спором, который начался с обсуждения инцидента на границе, а закончился чем-то куда более опасным — открытым расколом между теми, кто требовал немедленного возмездия, и теми, кто настаивал на сдержанности.

— Сорок три года перемирия, и вот их первый прямой удар по нашей границе! — гремел молодой военачальник Ферис, недавно назначенный командующим южным флотом

взамен погибшего предшественника. — Если мы промолчим сейчас, мы покажем им, что перемирие можно нарушать безнаказанно!

— А если мы ответим ударом, — парировал Кель-Дор, единственный в зале, кто провёл три года в плену у рептилоидов и знал их изнутри лучше любого штабного стратега, — мы дадим им ровно тот повод к полномасштабной войне, которого они, судя по всему, добивались этой провокацией. Задумайтесь: зачем атаковать станцию и уничтожить только антенну связи? Зачем не нанести реального урона? Это не была попытка навредить нам. Это была проверка нашей реакции.

Иллара сидела во главе стола, слушая этот спор, и чувствовала, как корона — та самая, что она носила первый день своего правления, — давит на виски с той тяжестью, которую невозможно снять даже физически убрав металл с головы.

— Проверка реакции для чего, Кель-Дор? — тихо спросила она.

Он повернулся к ней, и в его взгляде читалась тревога человека, слишком хорошо знающего врага, чтобы позволить себе оптимизм.

— Для будущей войны, ваше величество. Они выясняют, какое сопротивление встретят, прежде

чем решатся на нечто большее. И если моя догадка верна, ответ, который они получают сегодня вечером от этого самого совета, определит, произойдёт ли эта большая война через год... или через неделю.

По залу пробежал ропот. Ферис ударил кулаком по столу, требуя немедленной мобилизации приграничных флотов. Генерал Тесса, куда более сдержанная, предлагала усилить разведку, не давая формального повода к эскалации. Спор нарастал, голоса накладывались друг на друга, и Иллара, глядя на голографическую карту границы, парящую над столом совета, вдруг с пугающей ясностью осознала: что бы она ни решила сейчас, она решает не просто судьбу пограничного инцидента. Она, возможно, решает, будет ли следующее поколение её народа вообще существовать, чтобы упрекнуть её в этом решении.

— Мы не станем отвечать военной силой, — произнесла она наконец, и голос её, к собственному удивлению, прозвучал твёрдо, без единой дрожи, которую она чувствовала внутри. — Но мы направим официальный протест через Совет Миров и удвоим оборону всех пограничных станций без исключения. Если это была проверка, пусть они получают ответ: мы не нападаем первыми. Но мы больше не безоружны.

Ферис явно был недоволен таким решением, но протокол не позволял ему открыто оспаривать волю коронованной королевы в присутствии всего совета. Кель-Дор, напротив, коротко кивнул — не в знак полного одобрения, а в знак признания того, что решение было, по крайней мере, разумным в невозможной ситуации.

После того как совет разошёлся, Орвен задержался в опустевшем зале вместе с королевой, и в наступившей тишине было слышно лишь тихое гудение систем жизнеобеспечения дворца — тот самый звук, который Иллара с детства ассоциировала с домом, но который теперь, после сегодняшних новостей, казался ей неумовимо похожим на тот самый резонанс, что звучал в головах рептилоидских командиров.

— Ты боишься, что я приняла неверное решение, — сказала она, не обращившись.

— Я боюсь, что верного решения не существует, дитя моё, — тихо ответил Орвен. — Это худшая часть твоей новой короны: иногда единственный выбор, который у тебя остаётся, — это выбор между разными видами катастрофы, и твоя задача лишь в том, чтобы выбрать ту катастрофу, после которой останется больше живых, чтобы её оплакать.

Далеко от дворцовой роскоши, на самой границе, где нейтральная зона встречалась с территориями рептилоидов, разворачивалась картина, которую не видел ни один из советников, ни один из полководцев, — потому что она происходила не в залах, а в открытом космосе, среди звёзд, равнодушных к судьбе обеих цивилизаций.

Патрульный крейсер «Отвага», один из тех, что Иллара приказала направить на усиление границы в первые же часы после своего решения, медленно скользил вдоль демаркационной линии, и его капитан, молодая офицер по имени Сави, поднявшаяся из простых пилотов флота благодаря собственному упорству, а не знатному происхождению, впервые за свою карьеру ощущала не рутинную бдительность, а настоящий, липкий страх.

Корабль казался маленьким на фоне бескрайней черноты, усыпанной звёздами, и совсем крошечным на фоне далёкого, едва различимого силуэта Фазтона позади — планеты, которую

с этого расстояния можно было принять за ещё одну звезду, если бы не характерное, чуть голубоватое свечение атмосферных куполов, защищавших города от космического холода.

— Капитан, — раздался голос оператора сенсоров, напряжённый до предела, — множественные метки на самой границе сенсорного радиуса. Не движутся. Просто... стоят там.

Сави подошла к экрану и взгляделась в мерцающие точки, выстроившиеся вдоль всей видимой границы нейтральной зоны, — не звено, не патруль, а нечто куда более масштабное, застывшее в неподвижности, словно наблюдающее.

— Это флот, — прошептала она. — Это весь их приграничный флот, выстроенный вдоль границы одновременно.

— Приказы, капитан?

Сави долго смотрела на экран, чувствуя, как страх — не за собственную жизнь, а за судьбу всего, что осталось позади, за Фаэтон, за миллионы огней городов, за молодую королеву, только вчера принявшую корону, — сжимает грудь ледяной хваткой.

— Передать в штаб немедленно, — произнесла она наконец, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Открытым текстом, без шифра, чтобы они точно знали: мы видим их. И молитесь, чтобы это было ещё одной проверкой реакции, а не подготовкой к тому, что мы все боимся назвать вслух.

Где-то там, среди этих застывших огней вражеского флота, невидимый с борта «Отваги», в тесной каюте флагманского крейсера сидел Наасса, всё ещё не оправившийся от допроса, и смотрел на ту же самую черноту с противоположной стороны границы, зная то, чего не знала капитан Сави: что императорский приказ о демонстрации силы был отдан не в ответ на её усиленную оборону, а задолго до неё — будто кто-то, стоящий выше самого императора, уже знал наперёд, каким будет решение Иллары, прежде чем она сама успела его принять.

И эта мысль, невозможная, пугающая своей логикой, впервые заставила его всерьёз задуматься: а что, если Голос, прозвучавший в его голове над станцией «Кассит-7», был не единственным сбоем, не случайной трещиной в его сознании, а лишь первым разом, когда он оказался достаточно внимателен, чтобы заметить то, что управляло всеми ими — включая самого императора — с самого начала этой войны?

ГЛАВА 3. Аудиенция

Двенадцать часов истекли с той механической точностью, которую Наасса научился ненавидеть за одну бессонную ночь, и теперь он снова стоял в

тронном зале Ссаир-Ксата — на этот раз без доклада о победе, без трофеев разведки, лишь с той тяжестью в груди, которая не отпускала его с момента, как он впервые усомнился в собственном рассудке.

Тронный зал сегодня был почти пуст — Ссаир-Ксат приказал удалить всех советников, оставив лишь личную стражу у дверей, и это одиночество пугало Наассу сильнее, чем любое публичное разбирательство. Император, судящий втайне, судит не по протоколу, а по чему-то более личному — и куда менее предсказуемому.

— Расскажи мне, полководец, — произнёс Ссаир-Ксат, не поднимаясь с трона, глядя на Наассу сверху вниз с тем же холодным вниманием, с каким инквизитор Дрейх изучал его накануне, — что именно ты почувствовал над станцией «Кассит-7».

Наасса напрягся. В этом вопросе не было ничего от формального протокола обвинения в невыполнении приказа — император спрашивал о самом Голосе напрямую, будто уже знал ответ и лишь проверял, солжёт ли Наасса снова.

— Мой император, я...

— Не лги мне дважды, Наасса. — Голос императора не повысился, но что-то в самой его интонации заставило резонирующие кристаллы стен зазвучать тише, будто сам камень испугался повышенного внимания своего повелителя. — Инквизитор Дрейх поверил твоей истории про усталость. Я — нет. Я знаю тебя двадцать лет. Ты никогда не был склонен к сла-

бости разума, даже после самых долгих боевых вылетов твоей карьеры. Так что скажи мне правду, и, клянусь тебе честью престола, что бы ты ни сказал, это останется между нами двумя.

Наасса долго молчал, взвешивая на невидимых весах собственную жизнь против правды, которую боялся произнести вслух даже наедине с собой.

— Я услышал приказ, мой император, — произнёс он наконец, чувствуя, как сами эти слова будто царапают горло изнутри. — Не через передатчик. Внутри. Там, где обычно звучит резонанс кристаллов, которому мы поклоняемся с рождения. Но этот голос... не был похож на обычный резонанс. Он был чужим. Отдельным от меня, как если бы кто-то говорил через меня, а не со мной.

Он ожидал гнева. Ожидал обвинения в ереси, в безумии, в трусости. Вместо этого Ссаир-Ксат медленно поднялся с трона, и на его древнем, обычно непроницаемом лице отразилось нечто

такое, чего Наасса не видел прежде ни разу за все годы службы, — узнавание.

— Сколько тебе было лет, когда ты впервые ощутил резонанс кристаллов как направляющую волю? — тихо спросил император, спускаясь по ступеням трона.

— Двенадцать, мой император. Как и всем в нашем роду.

— Мне было девять. — Ссаир-Ксат остановился в шаге от Наассы, и его голос впервые за весь разговор дрогнул чем-то похожим на усталость, копившуюся, возможно, не годы, а века. — И знаешь, что я тебе скажу, полководец, чего не говорил ни одной живой душе за всё время своего правления? Двадцать лет назад, в ночь перед тем как я отдал первый приказ о полномасштабной эскалации против людей, я тоже услышал этот голос как отдельный от себя. Один-единственный раз. А потом... потом он снова стал звучать как моя собственная воля, слитая с ним настолько неразличимо, что я перестал задавать вопросы.

Наасса почувствовал, как холод пробегает по всему телу — не от страха разоблачения, а от куда более глубокого, экзистенциального ужаса: если сам император, верховный правитель целой цивилизации, тоже когда-то ощутил ту же

трещину, что и он сам сегодня, — то насколько глубоко простирается это влияние, и сколько поколений рептилоидских правителей до Ссаир-Ксата пережили тот же самый момент прозрения, прежде чем снова поддаться слиянию с чужой волей?

— Вы верите, что нами кто-то управляет, мой император? — прошептал Наасса, впервые в жизни задавая своему повелителю вопрос, который граничил с прямой изменой.

Ссаир-Ксат долго молчал, глядя куда-то мимо Наассы, в пустоту тронного зала, будто видел там нечто, недоступное больше никому.

— Я верю, — произнёс он наконец, — что задавать этот вопрос вслух смертельно опасно, полководец. Не потому, что я накажу тебя за него. А потому что в ту самую секунду, когда я задумываюсь об этом слишком глубоко, голос в моей голове становится тише, спокойнее, увереннее — будто убаюкивает меня обратно в сон, из которого я на мгновение вынырнул. И я не знаю, сколько раз за свою жизнь я уже засыпал обратно, даже не заметив пробуждения.

Он отвернулся, возвращаясь к трону, и его следующие слова прозвучали уже иначе — снова властно, снова с той ледяной уверенностью правителя, которую Наасса знал двадцать лет.

— Об этом разговоре забудь, полководец. Возвращайся к командованию западным крылом. И если голос заговорит в тебе снова, приказывая то, с чем не согласится твоя собственная совесть, — запомни это чувство. Запомни его во всех деталях. Возможно, однажды это единственное, что позволит хотя бы одному из нас различить, где заканчивается собственная воля и начинается чужая.

На Марсе архивы Храма Восхождения хранили записи возрастом в тысячелетия — свитки, кристаллические носители, каменные таблички, оставшиеся ещё со времён первых поселенцев Фаэтона, — и Азар-Тин с Тедреном провели в подземных хранилищах уже вторые

сутки, разбирая пласт за пластом полустёртую историю, которую, казалось, кто-то намеренно пытался стереть из памяти обеих цивилизаций.

— Учитель, — Тедрен, весь покрытый пылью древних архивов, поднял глаза от очередного истлевшего свитка, — я нашёл упоминание. Единственное, зашифрованное иносказательно, как будто автор боялся написать прямо.

Азар-Тин подошёл ближе, и при свете тусклой архивной лампы они вместе склонились над хрупким пергаментом, испещрённым древним,

почти забытым письмом жрецов первого поколения Марса.

— «Когда Пирамида была целой, — медленно перевёл Азар-Тин, водя пальцем по выцветшим символам, — врата её служили мостом для тех, кто спускался к нам со звёзд как учителя. Но врата — это дверь в обе стороны, и однажды через ту же дверь, что впускала свет, поднялось нечто снизу, из глубин, куда даже звёздные учителя не решались заглядывать. Явившиеся назвали себя владыками истинного порядка. Они говорили с рождёнными из огня и камня расами системы не как советники, но как хозяева, вживляя свою волю в самый резонанс их существа...»

Он замолчал, чувствуя, как древние слова обретают пугающую, буквальную ясность в свете всего, что он видел в своём сне, и всего, что происходило сейчас, за миллионы километров отсюда, в тронном зале рептилоидского императора.

— «Рождённые из огня и камня», — тихо повторил Тедрен. — Это же они, учитель. Это рептилоиды.

— Да. — Азар-Тин выпрямился, чувствуя, как тяжесть тысячелетнего секрета наконец обретает форму слова. — И если этот текст говорит правду, тогда всё, что мы считали войной двух рас за

господство в системе, было лишь способом, которым нечто древнее и куда более могущественное, чем любая из двух цивилизаций, стравливает своих марионеток друг с другом ради целей, которые мы даже не начали понимать.

— Но зачем? Зачем древним владыкам вообще нужна эта война?

Азар-Тин долго молчал, глядя на полустёртые символы, будто надеясь, что они дадут ответ, которого не могли дать веками.

— Возможно, — произнёс он наконец, — война сама по себе не цель, Тедрен. Возможно, цель — то, что рождается после неё. Пепел. Разрушение. Момент, когда цивилизация настолько истощена горем и страхом, что готова принять любого хозяина, лишь бы прекратить боль. — Он посмотрел в окно, туда, где вдалеке высилась оплавленная громада Великой Пирамиды. — Нам нужно найти способ предупредить Фаэтон. Не о войне с рептилоидами. А о том, что стоит за самой этой войной.

В ту же ночь, в тесном грузовом отсеке далеко на границе, Кель-Дор допрашивал пленного рептилоидского солдата, захваченного во время

очередной пограничной стычки, — молодого, напуганного, куда менее закалённого, чем полководцы вроде Наассы, солдата, чьё имя, судя по бирке на броне, было Кэррис.

— Я не спрашиваю о военных секретах, — тихо произнёс Кель-Дор, пытаясь звучать как можно менее угрожающе, что давалось ему нелегко после трёх лет собственного плена в подобных же камерах. — Я спрашиваю, чувствовал ли ты когда-нибудь голос внутри своей головы, отдающий приказы, которые казались тебе... не твоими.

Молодой рептилоид вздрогнул так резко, что цепи, сковывающие его запястья, зазвенели о металлический пол.

— Откуда вы знаете об этом? — прошептал он, и в его голосе Кель-Дор услышал неподдельный, животный ужас — не страх допроса, а страх куда более древний и глубокий. — Нам запрещено говорить об этом. Даже между собой. Особенно между собой.

— Расскажи мне, — мягко настоял Кель-Дор, чувствуя, как сердце колотится от предчувствия открытия, которое могло изменить весь ход войны. — Пожалуйста. Это может спасти жизни на обеих сторонах.

Кэррис долго молчал, и в этом молчании читалась внутренняя борьба существа, разрывающегося между страхом перед собственным командованием и отчаянной потребностью наконец произнести вслух то, что копилось внутри годами.

— Он приходит в снах, — прошептал он наконец, — и иногда наяву, в моменты крайнего напряжения. Мы называем его гласом богов с детства. Но... — Кэррис замялся, оглядываясь по сторонам камеры, будто боялся, что стены сами передадут его слова наверх, — но за последний год некоторые из нас начали замечать, что голос звучит одинаково у солдат на разных концах фронта в одно и то же время, произнося одни и те же слова, будто это не индивидуальное озарение, а единая трансляция, посылаемая сразу всем.

Он не успел договорить.

Резкая, короткая судорога прошла через всё его тело — настолько внезапная, что Кель-Дор отшатнулся, — и в следующую секунду Кэррис обмяк в цепях, его вертикальные зрачки закатились, а из нозовых щелей потекла тонкая струйка тёмной крови.

— Медик! — закричал Кель-Дор, бросаясь к пленному, пытаясь нащупать пульс, которого уже не было. — Мне нужен медик немедленно!

Но он уже знал — с той же холодной, животной уверенностью, что охватила капитана Сави при виде застывшего вражеского флота, — что никакой медик не спасёт того, кто только что попытался произнести вслух правду, которую нечто, стоящее за этой войной, не желало допустить до чужих ушей.

Кто-то — или что-то — только что заставило замолчать пленного солдата с точностью и лёгкостью, недоступной ни одному яду, ни одному оружию, известному человеческой науке.

И Кель-Дор, глядя на обмякшее тело в цепях, впервые за всю свою военную карьеру ощутил страх, не имеющий ничего общего с боязнью смерти в бою, — страх осознания того, что враг, с которым они на самом деле воюют, гораздо ближе, гораздо могущественнее и гораздо внимательнее следит за каждым произнесённым словом, чем кто-либо из них смел себе представить.

ГЛАВА 4. Погоня среди обломков

Тревога взвыла на пограничной станции ровно через четыре минуты после смерти пленного — слишком быстро для совпадения, слишком точно для случайности.

— Множественные метки, заходят с трёх направлений одновременно! — заорал дежурный офицер, и Кель-Дор, всё ещё стоявший на коленях рядом с телом Кэрриса, ощутил, как ледяная ясность боевого инстинкта вытесняет из головы весь ужас последних минут.

— Они знают, что он успел заговорить, — процедил он сквозь зубы, вскакивая на ноги. — Они зачищают свидетелей.

Станция «Гранис-3», крохотный аванпост на самом краю нейтральной зоны, никогда не была рассчитана на полноценную оборону — три десятка человек личного состава, устаревшие орудия, единственный шаттл для эвакуации персонала в случае чрезвычайной ситуации. Атака, обрушившаяся на неё в следующие секунды, была рассчитана не на захват, а на полное, безоговорочное уничтожение.

— Взять записи допроса! — крикнул Кель-Дор технику связи, срывая с пояса кобуру. — Всё, что мы успели записать, — на переносной носитель, немедленно!

Первый залп разнёс внешний купол станции прежде, чем техник успел закончить перенос данных, и Кель-Дор ощутил, как воздух со свистом устремляется наружу через пробоину, а вместе с ним — драгоценные секунды жизни всех, кто оказался слишком близко к разгерметизации.

— Шаттл! Всем, кто может двигаться — к шаттлу немедленно!

Бег по коридорам горячей станции превратился в один растянутый до предела ужаса момент: искры от короткого замыкания, дым, застилающий видимость, крики раненых, оставших от общего потока эвакуации, и постоянный, нарастающий гул вражеских истребителей, кружащих снаружи в ожидании единственной цели — не позволить шаттлу подняться в воздух.

Техник связи, зажимая под мышкой драгоценный носитель с записью последних слов Кэрриса, ворвался в шлюз шаттла за секунду до того, как Кель-Дор задраил люк изнутри.

— Взлёт! Немедленно, немедленно! — закричал он пилоту, чувствуя, как станция за спиной содрогается от нового залпа.

Шаттл вырвался в открытый космос в облаке обломков и огня, и в первые же секунды полёта три вражеских истребителя, дежуривших на подступах именно для такого сценария, устремились в погоню.

— Они целятся точно в нас, не в станцию! — закричал пилот, закладывая резкий вираж, от которого всех пассажиров швырнуло на переборки. — Им нужен носитель, не станция!

Погоня развернулась над самым краем пояса астероидов, отделяющего нейтральную зону от территорий Фаэтона, — древнего нагромождения каменных глыб и ледяных обломков, оставшегося на орбите ещё с эпохи формирования системы, задолго до того, как на любой из планет здесь зародилась разумная жизнь. Пилот шаттла, молодой парень по имени Осгар, никогда прежде не летавший в боевых условиях, вёл машину интуицией отчаяния, ныряя между кружащимися глыбами камня размером с небольшой город, каждая из которых грозила размазать хрупкий корпус шаттла в мгновение ока.

— Они всё ещё на хвосте! — крикнул Кель-Дор, глядя в задний иллюминатор на приближающиеся огни двигателей преследователей.

— Я знаю! — Осгар резко бросил шаттл вниз, огибая исполинскую глыбу, покрытую замёрзшим инеем древних минералов, и в тот же миг один из преследователей, не успевший среагировать на манёвр, врезался прямо в поверхность астероида — ослепительная вспышка, беззвучная в вакууме,

и вражеский истребитель превратился в облако раскалённых обломков.

— Один готов! Осталось два!

Но радость была преждевременной — оставшиеся два истребителя, видимо, получившие какой-то новый приказ, вместо продолжения погони внезапно разошлись веером, и Кель-Дор, обладавший достаточным боевым опытом, чтобы узнать этот манёвр, почувствовал, как сердце обрывается в свободном падении страха.

— Они не преследуют нас больше, — прошептал он. — Они заходят на упреждение. Готовятся отрезать путь впереди.

— Что нам делать?!

Кель-Дор бросил взгляд на носитель с записью в руках техника связи, затем на приближающуюся линию горизонта астероидного поля, за которой, если верить навигационным картам, начиналась территория, контролируемая уже флотом Фаэтона.

— Дотянуть до границы, — произнёс он, стараясь звучать увереннее, чем ощущал себя внутри. — Осгар, максимальное ускорение, какое только выдержит корпус. Если мы доберёмся до наших патрулей раньше, чем они успеют нас

перехватить, они не рискнут атаковать в присутствии свидетелей с нашей стороны.

Следующие три минуты стали самыми долгими в жизни Кель-Дора — шаттл трясся так, что казалось, вот-вот развалится на части, вражеские истребители заходили с флангов всё ближе, и линия горизонта, за которой начиналась спасительная граница, приближалась мучительно, невыносимо медленно.

Когда на горизонте наконец вспыхнули огни патрульного крейсера «Отвага» — того самого, которым командовала капитан Сави, всё ещё несшая усиленное дежурство после инцидента с застывшим вражеским флотом, — вражеские истребители синхронно, без единого

выстрела, развернулись и ушли обратно в глубину нейтральной зоны, будто повинуюсь одному общему приказу, прозвучавшему одновременно в обеих головах.

Кель-Дор откинулся на спинку кресла, чувствуя, как дрожь, которую он сдерживал всю погоню, наконец прорывается наружу неконтролируемым тремором рук.

— Мы живы, — прошептал техник связи, прижимая носитель к груди, как ребёнка. — Мы, чёрт возьми, живы.

— Живы, — согласился Кель-Дор. — Но станции больше нет, а половина персонала осталась там. Всё ради того, чтобы стереть слова одного напуганного мальчишки, который просто хотел сказать правду.

Во дворце Фазтона, в ту же самую ночь, разворачивалась совсем иная разновидность охоты — тихая, безмолвная, куда более коварная, чем открытое космическое сражение.

Иллара проснулась от лёгкого, едва уловимого щелчка — звука, слишком тихого, чтобы разбудить обычного человека, но достаточно чужеродного, чтобы годы придворного воспитания, обучавшего её распознавать малейшие отклонения от привычного фона дворцовых звуков, подняли её из глубокого сна за долю секунды до того, как разум успел осознать причину тревоги.

Дверь её личных покоев, запертая на ночь с той же тщательностью, с какой запиралась каждую ночь с момента коронации, была приоткрыта на едва заметную щель.

Иллара замерла, прислушиваясь, и в этой напряжённой тишине уловила то, чего не должно было быть в её покоях в этот час, — едва

слышное дыхание постороннего человека, притаившегося в тени у гардеробной.

Она медленно, стараясь не выдать пробуждения ни единым движением, потянулась к тревожной кнопке под подушкой — устройству, которое установил Орвен в первую же ночь после коронации, настояв на этом с упрямством, граничащим с одержимостью, и которое она до сих пор считала излишней предосторожностью старика, слишком долго прожившего среди интриг.

Сегодня она была благодарна этому упрямству больше, чем когда-либо в жизни.

Кнопка сработала беззвучно — сигнал уходил напрямую страже, минуя любые системы, которые можно было бы отследить или заглушить, — но те несколько секунд, что потребовались охране на реакцию, показали Илларе вечностью, за которую тень у гардеробной успела отделиться от темноты и двинуться в сторону кровати с той плавной, отточенной точностью, с которой движется существо, натренированное на бесшумное убийство.

Иллара скатилась с кровати в тот самый момент, когда клинок, выпущенный тенью, вонзился в подушку там, где мгновение назад покоилась её голова.

— Стража! — закричала она, откатываясь дальше, чувствуя, как адреналин выжигает из тела последние остатки сна.

Дверь распахнулась в ту же секунду, и двое стражников, дежуривших у покоев, ворвались внутрь с оружием наизготовку — но нападавший, вместо того чтобы попытаться довершить убийство, метнулся к окну и, не колеблясь, выбросился в него, используя закреплённый заранее трос для спуска по внешней стене дворца.

— За ним! — закричал командир стражи, но было поздно — тень исчезла в темноте ночного сада, и погоня, организованная спустя считанные секунды, не принесла результата: покушавшийся словно растворился среди статуй и фонтанов дворцового парка, будто знал каждый его уголок наизусть.

Когда Орвен прибежал в покои королевы — растрёпанный, впервые за годы их знакомства утративший даже подобие обычного спокойствия, — Иллара сидела на полу у разбитого окна, всё ещё дрожа, сжимая в руках подушку с торчащим из неё клинком, будто это могло каким-то образом отменить факт того, что она только что едва не умерла во сне.

— Ты жива, — прошептал он, опускаясь рядом с ней на колени с облегчением, которое граничило с настоящим отчаянием. — Слава Высшим мирам, ты жива.

— Кто это был, Орвен? — Голос Иллары дрожал, но в нём уже проступала холодная, расчётливая ярость правительницы, которую только что попытались убить в её собственном доме. — Кто мог знать расположение моих покоев, кто мог знать распорядок ночной стражи настолько точно, чтобы пройти сюда незамеченным?

Орвен долго молчал, и по его застывшему, побелевшему лицу Иллара поняла: он уже знает ответ, или, по крайней мере, страшную его часть.

— Только тот, кто имеет доступ к внутренним распорядкам дворца, — тихо произнёс он наконец. — Кто-то из твоего ближайшего окружения, ваше величество. Покушение спланировано изнутри.

Иллара почувствовала, как холод покушения сменяется чем-то ещё более страшным — холодом предательства, притаившегося где-то среди тех самых лиц, которым она доверяла свою жизнь каждый день своего короткого правления.

— Значит, — прошептала она, — рептилоиды провоцируют нас снаружи не просто так. Пока

весь совет спорит о границах и флотах, кто-то внутри этих самых стен готовит удар, который не нуждается ни в кораблях, ни в армиях. Достаточно одного клинка и одного предателя.

— Что ты намерена делать, ваше величество?

Иллара медленно поднялась на ноги, всё ещё сжимая изрезанную подушку, и в её глазах, ещё недавно полных ужаса пробуждения, теперь горел огонь, который Орвен видел прежде лишь однажды — в глазах её отца в ночь перед его последней битвой.

— Я намерена выяснить, — произнесла она тихо, но с той решимостью, что не оставляла места сомнению, — кто из тех, кого я называла верными, на самом деле служит совсем иному хозяину. И когда я узнаю это имя, Орвен, я хочу, чтобы весь двор увидел, что происходит с теми, кто предаёт корону Фазтона в час, когда над всей планетой сгущается тьма, которую мы даже не начали до конца понимать.

ГЛАВА 5. Ритуал Прозрения

— Есть способ, — тихо произнёс Орвен на следующее утро, когда они остались одни в личных покоях Иллары, уже частично

приведённых в порядок после ночного покушения, — но я не пользовался им очень давно, и цена его высока для меня самого.

— Какая цена?

— Ритуал Прозрения требует, чтобы я на время открыл свой разум связи с Высшими мирами гораздо шире, чем обычно. — Орвен вынул из складок своего одеяния небольшой кристалл, тёмно-синий, почти чёрный, испещрённый тонкими прожилками света, пульсирующими в такт его собственному, чуть замедленному дыханию. — В обычные дни я лишь принимаю то, что мне позволяют увидеть, — фрагменты, символы, обрывки пророчеств. Полное открытие связи покажет мне куда больше. Но оно же на несколько часов оставит меня уязвимым для всего, что может воспользоваться этой открытой дверью — включая то, чего мы оба теперь боимся куда сильнее рептилоидских клинков.

Иллара долго смотрела на кристалл в его руках, чувствуя, как в груди борются два одинаково сильных чувства: отчаянная потребность узнать имя предателя и страх подвергнуть единственного по-настоящему близкого советника смертельной опасности.

— Есть ли другой способ?

— Обычное расследование займёт недели, ваше величество, а у нас, судя по всему, нет этих недель. — Орвен опустился в кресло, готовясь к ритуалу с тем спокойствием человека, давно смилившегося с ценой собственного служения. — Позови стражу. Пусть охраняют дверь,

пока я буду в трансе. И что бы ни случилось, что бы я ни говорил, — не буди меня раньше времени. Прерванное Прозрение может стоить рассудка тому, кто его начал.

Ритуал начался просто — Орвен сжал кристалл в ладонях, закрыл глаза и начал произносить нараспев слова на языке, которого Иллара не понимала, но который отзывался в самом воздухе комнаты почти физическим ощущением, будто пространство вокруг медленно, невидимо искривлялось, впуская нечто извне.

Спустя несколько минут кристалл в его руках начал светиться собственным светом — не отражённым, а рождённым изнутри, — и по комнате разлилось мягкое голубоватое сияние, напомнившее Илларе цвет глубокой воды, освещённой солнцем сквозь толщу волн.

— Я вижу, — прошептал Орвен, и голос его прозвучал странно, будто доносился откуда-то издалека, из пространства, куда его тело физически не переместилось, но куда

переместилось нечто иное, более существенное. — Коридоры дворца... но не такие, какими вижу их обычно. Я вижу их изнутри чужого страха. Кто-то идёт этими коридорами, неся груз вины настолько тяжёлый, что он искажает саму его тень.

— Кто, Орвен? Ты видишь лицо?

— Оно размыто... нет, не размыто — скрыто. Ктото намеренно скрывает его от моего взора, — Орвен вздрогнул, и голубое сияние кристалла на мгновение потемнело, будто испугавшись собственных слов. — Это не человеческая защита. Ни один придворный маг Фаэтона не способен скрыться от Прозрения. Это защита иной природы. Той же, что глушит голоса рептилоидских солдат, когда они пытаются заговорить правду.

Кристалл в его руках внезапно вспыхнул ослепительно ярко, и Орвен вскрикнул — не от боли, а от узнавания, настолько сильного, что оно прошло сквозь его тело подобно разряду.

— Они здесь, — прошептал он. — Не только рептилоиды под контролем. Здесь, во дворце, тоже есть слуга того же хозяина.

В этот самый момент воздух комнаты словно замер, и в самом центре голубого сияния начала

проступать фигура — не физическая, не материальная, а сотканная из самого света, высокая, стройная, с чертами, одновременно человеческими и странно иными, будто увиденными сквозь призму, искажающую привычные пропорции.

Иллара затаила дыхание, чувствуя, как по коже пробегает благоговейный трепет, не имеющий ничего общего со страхом покушения прошлой ночи, — трепет перед чем-то по-настоящему древним и добрым.

— Дитя Фаэтона, — произнесла фигура света голосом, звучавшим одновременно снаружи и внутри собственной головы Иллари, мягким, как далёкий звон колокола. — Меня зовут Ллиэн. Я одна из посланцев Плеяд, тех, кого твой народ издревле называл Высшими мирами.

— Ты можешь помочь нам? — прошептала Иллара, не веря собственной смелости, обращающейся напрямую к существу, о котором прежде знала лишь из легенд и пророчеств Орвена.

— Я не могу вмешаться в вашу войну напрямую, дитя, — печально ответила Ллиэн, и в её голосе прозвучала подлинная скорбь существа, вынужденного соблюдать закон, причиняющий боль тем, кого оно любит. — Такова цена свободы выбора, которую мы обязаны уважать даже тогда,

когда видим, к какой бездне ведёт этот выбор. Но я могу дать тебе то небольшое, что дозволено, — предупреждение и один-единственный дар.

Свет вокруг фигуры на мгновение сгустился, и Иллара почувствовала, как что-то невидимое, тёплое коснулось её груди, будто чья-то ладонь легла прямо на сердце.

— Дар распознавания, — произнесла Ллиэн. — Отныне, дитя Фаэтона, ты будешь чувствовать присутствие чужой, вживлённой воли рядом с собой — не как ясное видение, но как холод в основании черепа, необъяснимый и внезапный, всякий раз, когда рядом с тобой ока-

жется существо, чей разум уже не полностью принадлежит ему самому. Используй этот дар мудро. Он не покажет тебе имён. Но он предупредит тебя о присутствии врага там, где твои глаза видят лишь знакомое лицо.

— А предупреждение?

— Арсенал, — произнесла Ллиэн, и в этом единственном слове прозвучала такая тяжесть, что даже голубое сияние комнаты, казалось, потускнело от него. — Оберегайте то, что скрыто под западными шахтами Фаэтона, с большим тщанием, чем оберегаете саму королевскую кровь. Ибо если этот сон когда-либо станет явью — а он станет, дитя, я вижу это так же ясно, как

вижу тебя сейчас, — не будет уже ни короны, ни трона, ни самой планеты, чтобы за них бороться.

Свет начал меркнуть, фигура Ллиэн растворялась в воздухе так же беззвучно, как появилась, и в последний момент, прежде чем видение исчезло полностью, Иллара услышала последнее слова, произнесённые уже почти неразличимым шёпотом:

— Помни, дитя. Мы наблюдаем. Мы всегда наблюдаем. Но наблюдение — не то же самое, что вмешательство, и в этом разница, за которую вашему миру, возможно, придётся заплатить цену, которую я не в силах предотвратить, лишь оплакать заранее.

Кристалл в руках Орвена погас, и старик обмяк в кресле, тяжело дыша, будто пробежал многие километры без остановки.

— Ты видела её, — прошептал он, не как вопрос, а как утверждение, полное благоговения. — За все годы моего служения Прозрение никогда прежде не призывало саму посланницу настолько явно.

— Она дала мне дар, Орвен. Я чувствую его — здесь. — Иллара коснулась основания черепа, там, где всё ещё ощущалось лёгкое, необычное покалывание. — И она предупредила об Арсенале.

Орвен резко выпрямился, и весь его прежний, старческий покой мгновенно испарился, сменившись тревогой куда более острой, чем даже страх перед предателем среди придворных.

— Она назвала это слово вслух? — Он схватил Иллара за руку с силой, неожиданной для его возраста. — Ваше величество, немедленно пошлите приказ об усилении охраны западных шахт. Немедленно, не дожидаясь утреннего заседания совета. Если сама Ллиэн сочла нужным нарушить обычную сдержанность Высших миров ради этого предупреждения, значит, угроза ближе, чем мы можем себе представить.

За тысячи километров от дворца, у самой границы, разворачивалось сражение, ставшее прямым следствием ночной атаки на станцию «Гранис-3»: командование Фаэтона, узнав об уничтожении аванпоста и гибели половины его персонала, отдало приказ о карательном рейде против ближайшей рептилоидной пограничной базы — рейде, который Кель-Дор, всё ещё не оправившийся от собственного бегства, счёл катастрофической ошибкой, но не имел полномочий отменить.

— Это именно то, чего они добивались! — кричал он генералу Тессе перед самым вылетом эскадрильи. — Каждая наша ответная атака затягивает нас глубже в войну, которую мы даже не понимаем до конца!

— У меня приказ совета, Кель-Дор, — жёстко ответила Тесса. — Станция уничтожена, тридцать наших людей погибли. Если мы не ответим, каждый солдат на границе решит, что жизнь наших людей не стоит защиты.

Наасса, тем временем, получил собственный приказ — оборонять именно ту базу, что стала целью карательного рейда, и, ведя своё крыло навстречу приближающимся кораблям Фаэтона, он впервые за всю свою карьеру ощутил абсолютную, парализующую растерянность: сражаться означало, возможно, снова убивать по указке того же скрытого хозяина, что нашёл-

тивал ему приказы через резонанс кристаллов; не сражаться означало предать собственных солдат, летевших рядом с ним в самое пекло боя.

— Приготовиться к бою! — прокричал он вопреки внутреннему смятению, зная, что промедление сейчас будет стоить куда больше жизней, чем колебание совести.

Сражение вспыхнуло внезапно и яростно — истребители обеих сторон закружили в смертельном танце над безжизненной поверхностью пограничной базы, огненные росчерки лучевого оружия прочерчивали черноту космоса подобно росчеркам молний в грозовом небе, и Наасса, ведя свою эскадрилью сквозь этот хаос, вдруг заметил среди атакующих кораблей Фаэтона знакомый, до боли узнаваемый силуэт истребителя, пилотируемого офицером, чьё лицо он видел лишь однажды, мельком, на записи разведки, но которое почему-то запомнил с пугающей, необъяснимой ясностью.

Мерин Кассит, судя по бортовому номеру её машины, вела здесь один из штурмовых звеньев Фаэтона — и Наасса, вопреки всякой военной логике, вопреки приказу, вопреки самому Голосу, снова зазвучавшему на краю его сознания требованием уничтожить цель, вместо этого резко ушёл в сторону, позволяя её истребителю пройти невредимым сквозь построение, которое должно было его перехватить.

Он не знал, почему сделал это. Не знал этой женщины, никогда не говорил с ней ни слова. Но что-то внутри него — то же самое упрямое, независимое чувство, что впервые прорвалось сквозь Голос над станцией «Кассит-7», — настойчиво требовало сохранить ей жизнь, будто уже тогда, в первую секунду узнавания её лица на записи разведки, часть его судьбы необъяснимым образом переплелась с её собственной.

Сражение закончилось спустя двадцать минут отступлением обеих сторон, не принесшим решительной победы никому, — лишь новые потери, новые имена в списках погибших, новую, ещё более глубокую трещину в и без того хрупком перемирии.

А высоко над полем боя, невидимый обоим сторонам, тонкий, едва уловимый резонанс — тот самый, что рождался в кристаллах рептилоидских храмов и коридорах дворцов Фаэтона одинаково, — фиксировал каждое движение, каждое решение, каждую крупницу зарождающегося сомнения в головах тех немногих, кто начинал прозревать истинную природу войны, готовя для них всех участь, о которой они пока не смели даже помыслить.

ГЛАВА 6. Западные шахты

Приказ об усилении охраны западных шахт пришёл на рудничный гарнизон глубокой ночью, и командующий обороной, ветеран по имени Дорен, отнёсся к нему с той же смесью раздражения и недоумения, с какой встречают любой внезапный

каприз столицы, оторванной от повседневных забот окраины.

— Усилить охрану чего? — проворчал он, читая депешу при тусклом свете шахтового фонаря. — Здесь просто добывают руду, а не хранят королевскую казну.

Он не знал — да и не мог знать, поскольку эта тайна передавалась лишь от короля к королю на протяжении многих поколений, — что глубоко под его собственными сапогами, в выработанных ещё столетие назад штольнях, скрыт Арсенал: подземный комплекс хранилищ, где покоился накопленный за века потенциал полного уничтожения, о существовании которого не подозревало подавляющее большинство даже высшего командования Фаэтона.

Дорен успел отдать лишь половину распоряжений по усилению постов, когда земля под шахтёрским посёлком содрогнулась от первого взрыва.

— Наземная атака! — заорал часовой, вбегая в командный блиндаж с лицом, побелевшим от ужаса. — Рептилоидская пехота, спускается прямо со склонов западного хребта!

Дорен бросился к смотровой щели укрепления и в свете сигнальных ракет, взмывших над горизонтом, увидел то, чего никогда прежде не

видел за все годы службы на этой тихой, забытой богами окраине: сотни рептилоидских десантных капсул, впившихся в красноватую, каменистую почву предгорий, и из каждой кап-

сулы, подобно муравьям, извергающимся из потревоженного муравейника, высыпали облачённые в тяжёлую броню штурмовые отряды.

— Это не рейд, — прошептал Дорен, чувствуя, как земля продолжает вздрагивать от новых и новых взрывов десантных капсул. — Это полномасштабное вторжение.

Кель-Дор, оказавшийся на шахтах с инспекцией усиленной обороны как раз в момент атаки — редкое совпадение, которое позже он назовёт то ли удачей, то ли проклятием судьбы, — принял командование обороной посёлка на себя без колебаний, действуя чистым инстинктом человека, для которого три года плена у врага стали суровейшей школой выживания.

— Все гражданские — в глубокие штольни, немедленно! — кричал он, разворачивая наспех собранных ополченцев вдоль естественного хребта, служившего единственным укрытием между шахтёрским посёлком и наступающими силами противника. — Ополчение — на позиции по флангам, не давайте им обойти нас с боков!

Наземный бой оказался совершенно не похож на стремительные, почти балетные космические сражения, к которым Кель-Дор привык за годы службы, — здесь не было изящества манёвра, только грязь, кровь и удушающая теснота ближнего боя среди скал и провалов шахтных выработок, где каждый камень мог скрывать притаившегося врага, а каждая тень грозила обернуться смертью.

Первая волна рептилоидской пехоты, облачённая в тёмную чешуйчатую броню, атаковала с той жестокой, лишённой всяких сомнений решимостью, которую Кель-Дор помнил ещё по годам собственного плена, — солдаты, действующие не столько по приказу, сколько по некоему единому, всепроникающему импульсу, синхронизированному настолько идеально, что казалось, будто сотнями тел движет однаединственная воля.

— Они не отступают даже под шквальным огнём! — закричал ополченец рядом с Кель-Дором, лихорадочно перезаряжая оружие. — Это неестественно, они должны нести потери, должны колебаться...

— Они и не колеблются, — процедил Кель-Дор сквозь зубы, вспоминая мёртвого пленного Кэрриса и его последние слова о голосе,

звучащем одинаково у всех солдат сразу. — Потому что решение отступить принимает не тот, кто держит оружие.

Бой затянулся на долгие, мучительные часы: скалы западного хребта покрылись телами обеих сторон, дым от подожжённых шахтных построек застилал багровое от рдеющего закатного света небо, а Кель-Дор, теряя одного за другим ополченцев, встававших рядом с ним, чувствовал, как знакомое, изматывающее отчаяние безнадёжной обороны начинает пробираться даже его закалённую в плену волю.

Перелом наступил внезапно — с востока, со стороны основной территории Фаэтона, пришло подкрепление, вызванное отчаянным сигналом бедствия, посланным Дореном в первые минуты вторжения: эскадрилья штурмовых кораблей, среди которых — Кель-Дор узнал знакомый бортовой номер с необъяснимым облегчением — шёл истребитель Мерин Кассит, той самой офицерши, что чудом выжила в плену несколько недель назад и, оправившись, вернулась в строй с яростью человека, познавшего цену собственной свободы.

Атака с воздуха переломила ход сражения, рассеяв синхронизированные ряды рептилоидской пехоты, и остатки штурмовых сил,

повинуясь всё тому же единому импульсу, начали организованный, слаженный отход обратно к десантным капсулам — отступление настолько скоординированное, что не оставляло сомнений: за ним стояла не паника разбитой армии, а холодный, просчитанный приказ куда более высокого порядка.

Тем же вечером, во дворце Фаэтона, куда весть о нападении на западные шахты долетела с задержкой в несколько часов, разворачивалась собственная, куда более тихая драма.

Иллара стояла на приёме послов нейтральных секторов — формальном мероприятии, отменить которое означало бы посеять панику раньше времени, — и, обмениваясь протокольными любезностями с делегатами, вдруг ощутила именно то, о чём предупреждала Ллиэн: внезапный, необъяснимый холод, зародившийся у самого основания черепа и стремительно растекшийся вдоль позвоночника, стоило ей повернуться к одному конкретному гостю.

Советник Мерроу — пожилой придворный, служивший ещё её отцу, чьё лицо она знала с самого детства так же хорошо, как лица собственной семьи, — улыбался ей сейчас с той же привычной, добродушной вежливостью, с

какой улыбался всегда. Но холод не отступал, наоборот, усиливался с каждой секундой, что она удерживала на нём взгляд, будто само тело предупреждало её о чём-то, что разум пока отказывался принять.

Она заставила себя улыбнуться в ответ, продолжая протокольный разговор с ощущением, что земля под ногами внезапно стала куда менее твёрдой, чем казалась мгновение назад.

— Ваше величество выглядит утомлённой, — заметил Мерроу с той же добродушной заботой, что звучала в его голосе на протяжении десятилетий её жизни. — Вести с западных шахт, должно быть, тяжелы для сердца молодой королевы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.